

Дарья Медрина

Собирая свет по каплям

*Коллекция
удивительных историй*

Дарья Щедрина

**Собирая свет по каплям.
Коллекция удивительных историй**

«Издательские решения»

Щедрина Д.

Собирая свет по каплям. Коллекция удивительных историй /
Д. Щедрина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850803-5

Такие разные истории! В одних герои — самые обычные люди, попавшие в необычные обстоятельства, в других — мистические существа, ангелы или домовые, и даже волшебная книга. Что их объединило в коллекцию? Все они, как капельки света, попадая в душу, делают ее чуть теплее и светлее.

ISBN 978-5-44-850803-5

© Щедрина Д.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая: Истории драматические	6
Сердце Маргариты	6
Человек – человеку...	26
Две Антонины	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Собирая свет по каплям

Коллекция удивительных историй

Дарья Щедрина

© Дарья Щедрина, 2017

ISBN 978-5-4485-0803-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая: Истории драматические

Сердце Маргариты

Жизнь Маргариты перевернулась в тот момент, когда она узнала о своей беременности. Она шла по весенней улице и, шурясь от яркого солнца, с удивлением смотрела по сторонам. То ли вчерашний дождь промыл воздух настолько, что все краски стали в два раза ярче, то ли до сегодняшнего дня она, Маргарита, смотрела на мир сквозь пыльные очки, а дождь смыл пыль со стекол и теперь она видит его таким, какой он на самом деле. Но сегодня солнце сияло ярче, чем обычно и ветер нес запахи сырой земли и распускающихся листьев. На ветках деревьев с треском лопались почки и солнце с любопытством разглядывало клейкие зародыши листочков, с радостью раскрывающих крошечные зеленые ладошки ему навстречу. Маргарита прислушивалась к себе, в надежде уловить первые признаки новой жизни внутри, но пока ничего не чувствовала. Просто эта новая, тайная жизнь в глубине ее тела была еще слишком маленькой.

Она шла по улице, ощущая тихую светлую радость снаружи и внутри себя. И даже визит в Женскую Консультацию и общение с врачом не могло омрачить эту радость. Сначала круглолицая акушер-гинеколог с доброжелательной улыбкой сообщила Маргарите о восьми неделях беременности, но, начав заполнять какие-то бумаги, и узнав о том, что Маргарита наркоманка, резко изменилась в лице. Тонкие губы поджались и задеревенели, взгляд светлых глаз остекленел, на широком лбу собрались сосредоточенные морщины, а румяные щеки побледнели. Маргарита внутренне приготовилась выслушать очередную лекцию о вреде наркотиков, но ее ожидания не оправдались. Доктор просто и буднично спросила ее:

- Аборт делать будете?
- Какой аборт? – не поняла Маргарита.
- Вы же не собираетесь оставлять этого ребенка?
- Собираюсь...

Доктор бросила на ее внимательный холодный взгляд бледно голубых глаз, от которого по спине у Маргариты побежали мурашки.

– Напрасно. Вы же все равно откажетесь от этого ребенка, так лучше сейчас, чем в роддоме. Зачем плодить несчастных детей?

– А с чего вы взяли, что мой ребенок будет несчастным? – пошла в атаку Маргарита, но доктор была не настроена на борьбу.

– Ну, дело ваше... Я вам советую хорошенько подумать и принять правильное решение. Но думайте не слишком долго. Времени на раздумья остается немного.

С этими словами, стараясь больше не встречаться взглядом с Маргаритой, доктор выдала ей кучу направлений на анализы и процедила сквозь зубы «До свидания». Маргарита вышла из кабинета с ощущением бессильной злобы. Откуда у этой докторши такая уверенность, что ребенок будет несчастным? Но спорить и доказывать что-то было бесполезно. Маргарита давно поняла, что, однажды подсев на наркотики, ты автоматически переходишь в категорию недолюдей, и тебе отказывают в элементарных правах на любовь, дружбу, на желание иметь детей... К черту всяких врачей, подумала Маргарита, и выбросила пачку направлений на анализы в первую попавшуюся урну.

Подойдя к подъезду своей пятиэтажной «хрущевки», распахнула разрисованную граффити дверь и, прыгая через ступеньку, поднялась на пятый этаж. Войдя в квартиру, она прислушалась, было тихо, значит, мать еще не вернулась с работы. А ей так хотелось поделиться своей радостью! Последнее время они с мамой часто ссорились, но, несмотря на это в глубине души

Маргарита знала, что мать никогда не бросит ее, никогда не предаст. Не было на свете более близкого человека для нее, чем мама, несчастная, измученная, бесконечно усталая, но такая родная мама.

Пройдя на крохотную кухню, она поставила чайник на плиту и выглянула в окно, положив ладонь на живот. Как ты там? Мысленно спросила Маргарита у того, кто теперь жил у нее внутри. Не стоит обращать внимание на всяких глупых теток! Я все равно никому не дам тебя в обиду!

Залязгал ключ в замке входной двери. Пыхтя как паровоз, вошла мать. Тяжело ей давался подъем на пятый этаж без лифта.

– Ты дома? – вяло удивилась мама.

В свои 45 она выглядела на все 60. И в этом была часть вины Маргариты, вины, едким червем грызущей душу, от которой так хотелось отмахнуться, но никогда не получалось. Это чувство доводило до слез, до отчаяния, до вспышек раздражения и злости, до яростных ссор, а потом снова оборачивалось слезами и раскаянием. И все возвращалось на прежний круг. Еще вчера Маргарита не знала, как вырваться из этого замкнутого круга, а сегодня все изменилось.

Мать, как робот, без всякой паузы переключилась с работы по профессии на работу по дому и механически принялась наводить порядок в квартире.

– Привет, мам! – произнесла Маргарита.

– Хоть бы посуду вымыла за собой, – не обращая внимания на приветствие, бесцветным голосом привычно заворчала мать, – Ты давно пришла? Что-нибудь ела?

– Только что. Я не хочу есть.

– Худющая как скелет, а есть, ничего не ешь! Так и заболеть недолго.

– Мам, мне с тобой поговорить надо...

– Денег не дам! Видишь ведь, и так еле сводим концы с концами... С тех пор, как отец умер, тяжело стало.

– Можно подумать, пока отец был жив, легко было! – усмехнулась Маргарита.

– Не смей плохо говорить об отце! – сразу вышла из состояния заторможенности мать.

– А я и не говорю...

– Он был очень хорошим человеком, просто жизнь так сложилась... Не выдержал он!

Маргаритин отец, идейный коммунист и очень честный человек, так тяжело переживал распад СССР и гонения на партию, что начал пить и заработал инфаркт, после которого так толком и не оправился. Он стал раздражительно злобным от собственного бессилия, постоянно срываясь на близких. И Маргарита, юная выпускница школы, застыла на пороге новой жизни, не решаясь сделать шаг вперед туда, где закрывались друг за другом заводы и фабрики, а на тех, что еще работали, месяцами задерживали зарплату, где ценники в магазинах сошли с ума, подчинившись олимпийскому призыву: «быстрее, выше, сильнее!», где мальчишку-брата отправили на настоящую войну. Отец умер в начале 1995-го, получив известие о гибели старшего сына при штурме Грозного под Новый год. Мать слегла с гипертоническим кризом. Жить не хотелось, настолько безнадежным и бессмысленным казалось будущее.

И в этот момент, как свежий порыв ветра в вязкой духоте комнаты без окон и дверей, в жизнь Маргариты ворвалась первая любовь. Утонченно-ироничный, отрешенный от неприглядной действительности, Лёша, Лёшенька, Алексей, протянул ей руку и повел в иллюзорный мир. Знала, что опасно, знала, что нельзя, но пошла, потому что любила до дрожи в коленках, до самозабвения, бездумно и отчаянно, как любят только в первый раз. Шагнула, как в омут, в котором даже смерть с любимым вдвоем не пугала. Но спустя какое-то время пришло осознание, что Лёше она нужна скорее, как восторженный зритель для самовлюбленного актера.

– Мам, я тебе хочу что-то важное рассказать, – вкрадчивым голосом начала Маргарита.

– Не пугай меня, Ритка! – лицо матери оживилось, отразив испуг.

– Да не пугаю я!.. Мам, я беременна...

Мать медленно опустилась на стул, лицо ее вытянулось, глаза округлились.

– Господи Боже... – прошептала она. – А отец кто?

– Ай, Лёшка, – безразлично махнула рукой Маргарита.

– Это такой длинный и худой?

– Точно.

– А он знает?

– Да какая разница, мам? Лёшку кроме дури ничего не интересует. Зачем ему знать о ребенке?

– Но, как же?.. – растерянно пробормотала мама.

– А вот так! Сами справимся! – решительно ответила дочь.

– Ой, горе ты мое! – запричитала мама. – За что ж нам такие испытания?! Как же нам теперь со всем этим справиться?

– Да справимся как-нибудь, мам, справимся. Главное, у нас теперь маленький будет!

Мать со скорбным выражением лица тихо раскачивалась из стороны в сторону, словно в каком-то трансе и бормотала себе под нос.

– Господи, Господи, за что такие испытания?..

– Мам, – Маргарита подошла к матери и присела на корточки возле нее, положив руки на мамины судорожно сцепленные ладони, – Ну, мам, перестань. Все будет нормально.

– Доченька, ты понимаешь, что ребенок, он живой. Он все чувствует. Ему там плохо... Если ты и дальше будешь... Он умереть может.

– Мам, я брошу.

– Сколько раз ты мне говорила это «брошу»?

– А теперь брошу! Думаешь, я не понимаю, что для малыша это смертельно опасно? Понимаю. Поэтому и говорю, что брошу. Считаю, уже бросила! – твердо произнесла Маргарита.

– А сможешь? – неуверенно переспросила мама.

– А куда я денусь? Должна смочь, иначе ребенок погибнет. А я хочу, чтобы он жил. Понимаешь?

– Бедная ты моя, – прошептала мать, прижимая к себе дочку, – бедная!

– Мам, спасибо тебе, – уткнувшись лицом в теплую мамину кофту и, вдыхая знакомый с детства запах, пробормотала Маргарита.

– За что?

– За то, что про аборт не сказала.

Маргарита не считала себя такой уж зависимой, просто, всякий раз, когда она собиралась завязать, рядом вовремя появлялся Лёшка или кто-то из друзей и убедительно доказывал, что нет смысла мучиться, и приносил дозу. Теперь смысл был. Отрезая себе все пути к отступлению, она выключила телефон и закрыла дверь на замок. Она точно знала, что, пережив ломку, у нее и ее ребенка начнется совершенно новая, нормальная жизнь.

Мы справимся, твердила она про себя, когда начался озноб, а обычные свет и звуки стали нестерпимо резкими. Надо перетерпеть, убеждала она себя, борясь с приступами тошноты и нарастающим ознобом. Скоро все кончится, шептала она, сглатывая горьковатую слюну, и сворачиваясь в клубок от боли. У Маргариты появилось странное ощущение, будто она наблюдает со стороны за своим телом, в котором поселилось чужое, страшное, невероятно сильное существо, как в американском фильме ужасов. И это существо отчаянно боролось за право безгранично владеть ее телом. И этот монстр вгрызался острыми акульными зубами в ее суставы, вытягивал сухожилия, рвал мышцы когтями, выворачивал наизнанку ее желудок, сводил судорогой пальцы... Это не может быть бесконечным, это должно когда – то кончиться, уговаривала она себя, скрипя зубами. Ты только не умирай, обращалась она мысленно

к ребенку, скоро станет легче... Она потеряла счет времени, запутавшись в паутине страданий, но однажды боль отступила. Монстр понял, что проиграл и, шипя и плюясь ядовитой слюной, стал медленно отползать в сторону.

Истерзанное болью тело бессильно распласталось на смятых простынях. Мама, глотая слезы, приносила воду и пыталась напоить Маргариту, но у той даже на глоток воды не было сил. Время остановилось, постояло немного и маленькими, неуверенными шажками стало двигаться в другую сторону. Силы возвращались медленно, но возвращались. Мы выдержали, слабо улыбаясь, думала Маргарита, бережно прижимая ладонь к животу.

Когда она уже смогла перемещаться по квартире на дрожащих от слабости ногах, держась за стенки, вдруг, как черт из табакерки, появился Лёшка. Он замаячил в дверном проёме за спиной матери, когда та вернулась из магазина. Женщина от неожиданности выронила хозяйственную сумку и замахала на него руками:

– Куда, куда? Иди от сюда! Нечего тебе здесь делать!

– А Ритка дома? – вытягивая длинную худую шею из-за головы хозяйки, спросил Лёшка.

– Нету ее! – пыталась преградить ему дорогу мать.

– Не может быть, – и наглый пришелец, отодвинув мать в сторону, прошел в квартиру, – должна быть дома. Где ж ей еще быть?

Маргарита, услышав голоса в коридоре, поднялась с постели, чувствуя, как тревожно забилося сердце. Захотелось спрятаться, забиться в нору, укрыться. Она с трудом держалась на ногах, но понимала, что поговорить со своим бывшим придется. Давно следовало поставить все точки над Ё. Маргарита чувствовала себя как солдат под Москвой зимой 1942-го, отступить было некуда. Она вышла в коридор, запахивая накиннутую поверх домашнего халатика мамину пуховую шаль.

– Привет. – Произнесла она как можно более твердым голосом.

– О, Ритка, привет! – обрадовался визитер, – А мне тут твоя маман впаривает, что тебя нет дома. Куда это ты пропала? Не звонишь, не заходишь, к телефону не подходишь. У ребят спрашивал, никто не знает, где ты... Что случилось?

Они встретились посреди коридора, глядя друг другу в глаза. Мама, понимая, что лучше не вмешиваться, на цыпочках проскользнула в кухню и притворила за собой дверь.

– Ничего! – Ответила Маргарита, не отводя взгляд.

– Ты неважно выглядишь, – Лёшка попытался обнять ее за плечи, но девушка отстранила его руки. – Бледненькая такая... Плохо себя чувствуешь?

– Нормально я себя чувствую, – возразила Маргарита.

– Да нет, я же вижу, что плохо. Я знаю, тебе нужно лекарство. Хочешь, сейчас принесу?

– Нет. Не нужно мне твое лекарство! Уходи, Лёша.

– Да ладно тебе, Ритка! Что происходит? – на лице Лёшки появилась кривая недоверчивая улыбочка, которая сразу испортила иконописную, как раньше казалось влюблённой в него Маргарите, красоту.

– Лёша, меня больше нет! – Маргарита сделала шаг вперед, заставляя его отступить.

– Как это? – не понял Лёшка и растерялся.

– Так. Для тебя и твоих приятелей я умерла, исчезла, испарилась! Я больше не существую, как не существует мой номер телефона и мой адрес. Понял?!

Она продолжала вытеснять высокого худого Лёшку к выходу из квартиры, а тот, окончательно растерявшись от ее напора, отступал шаг за шагом.

– Уходи, Лёша, и больше не появляйся в моей жизни!

– Ну и дура, Ритка! – воскликнул, прижавшись спиной к двери, Лёшка, – Ты же без меня сдохнешь!

– Это я с тобой сдохну. Уже чуть не сдохла. Уходи!!

– Ладно... – он повернулся к ней спиной, ковыряясь в замке, наконец, распахнул дверь и выскочил на лестничную площадку.

Но просто так он, конечно, не мог уйти. Не привык он проигрывать! Надо было что-то сказать на прощание, и он сказал:

– Да я таких как ты тысячу себе найду! Да мне стоит только пальцем поманить!..

– Вали отсюда! – крикнула Маргарита и с грохотом захлопнула дверь перед самым носом своей прошлой жизни. Её сердце стучало, как церковный колокол, но это уже был не набат, а благовест.

А когда ребенок впервые зашевелился, Ритка сначала замерла, прижав руку к животу и настороженно прислушиваясь к новым ощущениям, а потом вдруг засмеялась, радостно, во все горло. На ее громкий, ликующий смех в комнату вбежала мама.

– Что случилась? – испуганно спросила она.

– Мама, он шевелится! Он живой, мама! – на глазах Маргариты появились счастливые слезы.

– Ну, слава богу! – с облегчением вздохнула мама, обнимая плачущую и смеющуюся одновременно дочь.

С тех пор на каждое шевеление, на каждый толчок в животе, Маргарита про себя говорила: «Давай, давай, футболистом будешь!» или еще что-нибудь, что усиливало и укрепляло ее связь с малышом. У нее и ее еще не родившегося ребенка уже было общее настоящее, и Маргарита невольно проецировала его на будущее. Периодически ей снились сны, в которых она видела себя и ребенка, почему-то обязательно мальчика, с большими голубыми глазами и веселыми ямочками на щечках. А иногда, к счастью редко, во сне за ней приходил Лёшка и она убегала от него, судорожно прижимая к себе ребенка, и просыпалась в холодном поту, задыхаясь от бешеного сердцебиения. Проснувшись и немного успокоившись, Маргарита вела долгие мысленные разговоры с бывшим возлюбленным. Нет, говорила она, ничего ты не понимаешь в настоящем кайфе, Лёшенька. Настоящий кайф, это когда твой ребенок, это маленькое чудо, шевелится у тебя в животе и пихает тебя изнутри коленками. Вот, что такое кайф! А тот кайф, что ты мне предлагал, это чушь собачья, пустая иллюзия...

За время беременности Маргарита умудрилась устроиться на работу уборщицей в салон красоты, что располагался недалеко от дома. Готовясь к появлению малыша, они с мамой даже сделали небольшой ремонт в комнате Маргариты, чтобы новый член семьи с первых дней жизни видел перед собой только красоту. Кто-то из маминых сотрудников на работе отдал им детскую кроватку, что осталась от собственных, уже выросших детей; соседи насобирали по друзьям и знакомым целый чемодан детских вещичек. Мир, как казалось Маргарите, с нетерпением ждал нового человека и заранее был добр к нему.

Егорка родился вовремя, как по расписанию. Вот только с родами не заладилось с самого начала. Долго не ехала Скорая. Врачи Скорой, приехав, были крайне удивлены, узнав, что роженица не наблюдалась в Женской Консультации, но ругать не стали, времени не было. Что-то пошло не так, как должно и в роддоме Маргарите сделали кесарево. Потом Маргарита очень жалела, что не запомнила момент появления на свет сына, потому что была в каком-то кровавом тумане. В памяти остались только бегающие туда-сюда люди в белых халатах, бесконечная боль и громкий стук сердца, ее собственного сердца, которое стучало и пульсировало, почему-то не в груди, а в голове.

Но она забыла все трудности, как только впервые взяла на руки сына. Он был таким трогательным! Морщинистое личико с носиком – кнопочкой и маленьким беззубым ротиком.

Маргарита с осторожностью и трепетом прикоснулась к крошечным пальчикам с микроскопическими ноготками, потрогала указательным пальцем розовую ладошку и чуть не разревелась, когда эти пальчики сомкнулись, крепко ухватив ее за палец. Вот оно, счастье, думала Маргарита, прикасаясь губами к тоненьким редким рыжим волоскам на выпуклой макушке малыша и вдыхая ни с чем несравнимый запах детского тельца. Теперь мы будем всегда вместе!

После родов Маргарита была очень слаба. Ничего, постепенно все придет в норму, думала она, сосредоточившись на повседневных заботах о сыне. Молока было мало, пришлось докармливать смесями. Бедная мама с ног сбилась, бегая по городу в поисках детского питания по приемлемой цене. Все было чудовищно дорого! Но и мама, и Маргарита, скорее, сами бы остались голодными, чем лишили ребенка необходимого питания.

Все бы ничего, но слабость не проходила и одышка, как после бега на длинную дистанцию, возникала при небольшой нагрузке.

– Ты бы к врачу сходила, – как-то сказала мама, помогая затащить на пятый этаж после прогулки коляску с малышом. – Что-то не нравится мне твоя одышка...

– Да ладно, мам, пройдет! Надо каких-нибудь витаминчиков попить и все пройдет.

Но витаминчики не помогли. Спустя месяц Маргарита пришла к выводу, что мама права и надо все же сходить к врачу, когда поняла, что даже просто ходьба по квартире с ребенком на руках дается ей с трудом.

Участковый доктор в поликлинике была совсем молоденькая, лет 25-ти, причем пару лет ей прибавляли солидные очки в роговой оправе. Выслушав жалобы пациентки, она долго и сосредоточенно выслушивала сердце Маргариты специальной трубочкой, прикладывая широкий раструб то к груди, то к спине, щупала живот, даже заставила задрать штанины, чтобы посмотреть ноги. Лицо врача при этом оставалось отстраненно сосредоточенным. Закончив осмотр, долго что-то писала в карточке, выписывала направления на анализы.

– Что, доктор, что-то не так? – поинтересовалась Маргарита, внутренне насторожившись.

– Мне не нравится шум в сердце, – ответила доктор. – Вам обязательно нужно сдать анализы и пройти обследование.

– Доктор, у меня маленький ребенок, мне некогда ходить по обследованиям, – попыталась возразить Маргарита.

– Маргарита Игоревна, – подняла на нее глаза поверх солидных очков доктор, – именно потому, что у вас маленький ребенок, вам необходимо в кратчайшие сроки сдать анализы и пройти обследование. – и протянула пачку бумажек.

То, каким тоном было это сказано, заставило Маргариту покорно взять направления, а в глубине души появился холодок, словно легкий сквознячок, незаметно, вкрадчиво, выдувающий из души покой и радость.

Мама специально взяла отгулы на работе, чтобы посидеть с Егоркой, пока Маргарита проходила обследования. Но зато всего через неделю с результатами на руках Маргарита снова пришла к участковому.

Доктор читала документы, а Маргарита наблюдала, как меняется ее лицо: как хмурятся брови, опускаются уголки губ, темнеют, наливаются грозовой синью голубые глаза. По результатам обследования выяснилось, что у Маргариты серьезное заболевание сердца под звучным и красивым названием «бактериальный эндокардит», что инфекция через инъекцию наркотиков когда-то попала в кровь и теперь бактерии разрушают клапан в сердце, а без клапана сердце нормально работать не может. И помочь Маргарите теперь может только операция.

Надо же, как странно, думала Маргарита, такое красивое название... Как часто в жизни за красивым образом скрывается смертельная опасность. А люди как глупые мотыльки, влюбленные и самоотверженные, летят на огонь, ни о чем не думая, ничего не опасаясь.

Маргарита сидела и прислушивалась к звону в ушах. Этот странный звон возник сразу, как только доктор назвала диагноз, и теперь заполнил собой все пространство кабинета. Сквозь него с трудом пробивался голос врача, и Маргарите казалось, что она ослышалась, не правильно все поняла. Ведь с ней не могло случиться ничего такого! Не могло, потому что есть Егорка и мама...

Участковая, не на шутку встревоженная отстраненно-растерянным видом Маргариты, не ограничилась выпиской направления, а сама позвонила в кардиоцентр и записала ее на консультацию лучшего кардиохирурга клиники.

Звон в голове стих, но звуки вокруг остались приглушенными, Маргарита слышала мир как сквозь вату. Она вышла из поликлиники и села на лавочку в маленьком сквере, где гуляли мамы с детьми, а на лавочках грелись на солнышке старики и старушки. Около нее сидела кругленькая, маленькая старушка в сером пальто и повязанном по-деревенски платочке и кормила хлебными крошками голубей. Птицы важно ходили вокруг и чинно клевали крошки, словно торопливостью боялись уронить свое достоинство.

– Что, милая? Что-то случилось? – поинтересовалась старушка, бросив на Маргариту взгляд совершенно молодых серых глаз, – На тебе лица нет!

– У меня болезнь тяжелую нашли... – неожиданно для самой себя поделилась Маргарита с совершенно посторонним человеком. – Не знаю, что делать?

Старушка сочувственно покачала головой. Все ее лицо покрывала сеть тонких морщинок, но глаза светились молодостью.

– Да... Болезнь – это плохо. А ты в церковь сходи, Богу помолись. Он поможет!

– Да я же не умею! – ответила Маргарита, беспомощно пожав плечами, – Меня молиться не учили. Я никаких молитв не знаю.

– Вот глупая! – всплеснула руками старушка и чуткие птицы, захлопав крыльями, отлетели на пару шагов в сторону, но тут же снова стали приближаться к ее ногам, продолжая свою трапезу. – Думаешь, Богу слова нужны? Бог, он сердце твое услышит, если оно искренно, а какими словами ты говорить с ним будешь, не имеет значения!

Егор Петрович сидел в ординаторской за своим столом и пытался справиться с ворохом писанины. Он терпеть не мог этим заниматься, но деваться было некуда. Обхватив голову ладонями, он тяжело и обреченно вздохнул, глядя на стопку историй болезни перед собой. В дверь тихо постучали.

– Да, войдите! – крикнул Егор, не отрывая взгляд от бумаг.

– Здравствуйте. Я к Егору Петровичу.

Егор поднял глаза. На пороге стояла невысокая худенькая девушка, совсем юная, в потертых джинсах и клетчатой рубашке. На фоне бледности и худобы ее голубые глаза казались огромными, как северные озёра, но тревога, как рябь на водной глади, гасила их интенсивную голубизну.

– Здравствуйте, проходите! – ответил он, указывая на стул возле своего стола.

Маргарита села, доставая из сумки медицинские документы. К ее удивлению, Егор Петрович оказался молодым, лет 30-ти с небольшим, а она ожидала увидеть маститого седовласого Айболита. Большой, с крупной головой и широкими ладонями, с выпуклым умным лбом и добрыми карими глазами, доктор напомнил ей добродушного великана – ньюфаундленда. Егор углубился в изучение данных ее обследования, а Маргарита наблюдала, как хмурятся

темные брови над карими глазами, как над переносицей собираются поперечные морщинки... Плохой знак, обреченно подумала она и вздохнула.

– Где же ты эту дрянь подхватила, Маргарита? – спросил доктор, не заморачиваясь вежливым обращением к пациентке. Но Маргарита почему-то сразу вспомнила старшего брата, Никиту. Он, когда был жив, тоже обращался к ней с такой осуждающе – доверительной интонацией, когда хотел за что-то пожурить сестру. – Наркотики?

– Да, доктор. Но это все в прошлом! – поторопилась убедить его Маргарита, – Я уже год как завязала. У меня ведь ребенок есть. Маленький. Ему три месяца.

– Понятно... Это хорошо, что завязала. Давай ка, я послушаю твое сердце! – и достал из верхнего ящика стола такую же трубочку, какой слушала Маргариту доктор в поликлинике.

То, что он услышал, напоминало звук духовой трубы в руках неумелого трубача. Как будто в вагоне поезда под ритмичный стук колес один из пассажиров пытался репетировать пьесу для трубы с оркестром, но кроме дующе-скрипящего монотонного звука ничего не мог извлечь из музыкального инструмента. Ничего хорошего этот неприятный звук не сулил Маргарите.

– Так, Маргарита, пойдем, я отведу тебя в кабинет УЗИ, посмотрим твое сердце ультразвуком, – сказал Егор Петрович, закончив слушать, и повел ее из ординаторской.

Егор Петрович еще долго водил ее по больничным коридорам то на повторные обследования, то на консультации к другим врачам. Ее снова слушали, кивали головами, обмениваясь сложными и непонятными терминами, а выражения их лиц вселяли в сердце Маргариты все большую тревогу.

– Замучили мы тебя? – в конце концов сочувственно, с теплотой в голосе, поинтересовался Егор Петрович совсем по-дружески, как будто был родственником или соседом.

– Да ничего. Я терпеливая. И какой же мой приговор?

– Ну, зачем уж так-то, приговор?! Не приговор, а диагноз. Диагноз подтвердился. Надо делать операцию.

– Какую операцию?

– Клапан в сердце надо протезировать.

– А без операции нельзя? – Маргарита подняла на врача испуганные глаза, но он отрицательно покачал головой, погасив последний проблеск надежды.

– Ты посиди пока здесь, у кабинета, а я схожу к главному врачу, поговорю на счет операции.

Егор Петрович быстрым шагом ушел по коридору, а Маргарита осталась сидеть на жестком стуле, бессмысленно комкая в руках носовой платок.

К счастью главный врач был на месте и Егор, вежливо постучав, открыл дверь кабинета.

– Добрый день, Лев Моисеевич.

– Добрый, добрый, Егор Петрович.

В лице Льва Моисеевича, немолодого и солидного человека, было что-то от хищной птицы. Но даже не выдающийся тонкий нос с горбинкой создавал это впечатление, а выражение желтовато-карих глаз, глядящих на собеседника пристально, почти не мигая, словно оценивая, когда лучше всего нанести решающий удар. Он был талантливым администратором, целеустремленным и гибким одновременно, что позволяло ему успешно руководить одной из лучших специализированных клиник города.

– Лев Моисеевич, – начал Егор, – у нас есть пациентка – кандидат на протезирование клапана.

– Да? – поднял пышные седоватые брови главный врач. – Давайте ее документы.

Егор протянул пачку бумаг.

– Девушка 20-ти лет с бактериальным эндокардитом. – Начал привычно докладывать Егор.

– Бактериальным? – переспросил начальник.

– Да.

– Наркоманка? – изменившимся голосом спросил Лев Моисеевич и поднял глаза на Егора, посмотрев на него взглядом следователя, ведущего допрос.

– Бывшая, – не моргнув глазом, ответил Егор. – Она давно уже не употребляет наркотики.

– Вы смеетесь надо мной, Егор Петрович? – главный врач, не дочитав, отложил пачку медицинских документов на край стола.

– Почему, смеюсь? – не понял Егор.

– Вы предлагаете мне дать согласие на протезирование клапана наркоманке?

– Это же 20-ти летняя девчонка. К тому же у нее маленький ребенок. – попытался объяснить Егор.

– Причем здесь ребенок?! – начал повышать голос начальник, раздражаясь. – У этой наркоманки в дополнение к эндокардиту еще куча вирусных гепатитов!

– Не куча, а только один. И не гепатит, а только носительство вируса гепатита С.

– Да вы понимаете, Егор Петрович, на что вы меня толкаете?

Егор не понимал. Он не понимал такой странной реакции на обычную ситуацию: есть больной, нуждающийся в операции, надо операцию сделать и все! По сути своей, по природе, Егор, как собака спасатель был призван помогать, спасать, не раздумывая о целесообразности и последствиях, о выгоде или опасностях, просто помогать тем, кому эта помощь была необходима.

– Это вам не Америка! Знаете, каких трудов мне стоит выкроить средства из мизерного бюджета на закупку клапанных протезов и кардиостимуляторов? Год от года бюджет сокращают, а инфляция сжирает даже то, что мы получаем. Я не уверен, что через полгода смогу закупить в больницу раствор глюкозы для капельниц, не то что клапанные протезы! У нас нет денег на нормальное питание больных, на необходимые лекарства! Скоро у вас, хирургов, шовные материалы закончатся, а денег на закупку новых нет! А вы мне предлагаете потратить бесценный клапанный протез на наркоманку!

– Но, Лев Моисеевич, – попытался возразить Егор, но начальник не позволил ему и слово вставить.

– И не надо давить на жалость, Егор Петрович! У нас целая очередь больных, нуждающихся в протезировании клапанов. На вашем же отделении лежит мальчик 18-летний по фамилии Карпенко, с ревматическим пороком. Мальчик из хорошей семьи, никакой не наркоман с гепатитом С, папа у него уважаемый человек. Вот ему, я считаю, протез нужнее.

– Лев Моисеевич, я знаю Карпенко. У Карпенко не такая тяжелая ситуация. С его пороком он еще год может ждать, как минимум. А у этой девочки с эндокардитом года нет, даже нескольких месяцев нет. Она же умрет... Давайте ее прооперируем, а Карпенко через год. За год вы сможете закупить еще новый протез.

– А если не смогу?! – Лев Моисеевич поднялся из-за стола и, немного помолчав, перешел на более дружелюбный тон. В конце-концов этот парень, молодой доктор, не виноват в том, что он так молод и неопытен в административных вопросах, – Послушай, Егор, ты хороший врач, молодой, талантливый, перспективный. У тебя за плечами стажировка в Америке! Ты пишешь диссертацию. Но здесь, у нас, совсем другие условия, пойми. Мы не можем оказывать помощь каждому нуждающемуся, на это у нас просто нет денег. Мы вынуждены учиться выживать, зарабатывать деньги самостоятельно. А для этого нам нужны такие пациенты, которые в состоянии сами оплатить свое лечение. Понимаешь? Если твоя бывшая наркоманка сможет оплатить стоимость протеза, пожалуйста, я дам свое согласие на операцию.

– Ну, откуда у нее такие деньги?! У нее младенец на руках! – снова попытался объяснить Егор.

– Все, Егор Петрович! – движением руки остановил прения главный врач, – Никаких споров! Вот когда будем жить, как в Америке, тогда будем всем подряд протезировать клапаны. А пока мне приходится делать выбор не в пользу бывших наркоманок. Ты меня понял. Иди.

Егор вышел из кабинета. Да-а-а-а, Родина, с горечью думал Егор, это вам не Америка, черт подери... Он медленно шел по коридору, засунув руки в карманы халата и понуро опустив голову. Наверное, так чувствовал бы себя сторожевой пёс, столкнувшись с тигром или львом, и понимая, что ему не хватит сил тягаться с такими хищниками. Он шел и никак не мог придумать, что сказать Маргарите. Вот так всегда, вольно или невольно становишься козлом отпущения! Кто бы вменил в обязанность главному врачу брать на себя ответственность не только принимать решения, но и объяснять их обреченным пациентам!

Выходя в коридор, в котором оставил пациентку, Егор поднял голову и расправил плечи, надо было держать себя в руках. Девушка сидела на краешке стула и взглянула на своего врача с надеждой и тревогой.

– Пойдем в кабинет, Маргарита! – сказал Егор, натягивая на лицо бодрящую улыбку.

В кабинете он долго перекладывал на столе какие-то бумаги, пытаясь собраться с духом, а девушка смотрела на него и молча ждала. Наконец Егор сел за стол, теребя в руках шариковую ручку, то откручивая колпачок, то закручивая его обратно.

– В общем, на данный момент в клинике нет клапанных протезов, – быстро проговорил подготовленную фразу Егор, – Пока нет денег на закупку. Но как только будут, так сразу...

– Егор Петрович, – произнесла Маргарита, кладя руку на его пальцы, продолжающие нервно теребить ручку, и останавливая ненужную суету, – У вас глаза честного человека. Врать вы не умеете...

Егор наконец отложил в сторону несчастную ручку и поднял глаза на Маргариту.

– Что, начальство не дало добро на спасение бывшей наркоманки? – спокойно, даже как-то буднично, спросила Маргарита, – Да вы не беспокойтесь! Я же все понимаю. В стране инфляция, денег на самое необходимое не хватает. Кто же будет тратить их на наркоманов? Все правильно! Каждый человек должен нести ответственность за свои ошибки. И я готова нести! – лицо ее побледнело, а голос стал набирать силу, – Готова! Вот только одна проблемка существует – мой сын. Ему всего три месяца от роду, он крошечный и совершенно беспомощный. Случись что со мной, маме с ним в одиночку не справиться. Отец у меня умер, брат погиб в Чечне. Без посторонней помощи маме не справиться, значит, ей придется Егорку отдать в детский дом, понимаете?! – глаза ее наполнились слезами и стали похожи на озера в разгар весеннего половодья. – Почему мой сын должен страдать? Почему его обрекают на детдом? Он же ни в чем не виноват! Совсем ни в чем! Он не отвечает за мои ошибки!! Почему он должен страдать?!..

Слезы хлынули из глаз и потекли неудержимыми потоками по щекам, но Маргарита этого не замечала и продолжала громко, во весь голос, сквозь душащие ее слезы вопрошать «Почему?! Почему?!» Горький комок жалости и сострадания застрял в горле у Егора при виде этой, такой юной и такой невероятно взрослой в отчаянье своей обреченности, девушки.

– Стоп, Маргарита! – повысил голос Егор, по опыту зная, что это может быть эффективно – Прекратить истерику! Отставить слезы и сопли!

Он порылся в карманах и достал носовой платок.

– Спокойно! – продолжал он, вытирая слезы на ее впалых щеках. – Не бывает безвыходных ситуаций, просто выход не всегда находится сразу. Но мы же будем искать! И обязательно найдем. Ты мне веришь?

Девушка, немного успокоившись, неуверенно кивнула.

– Мы что-нибудь обязательно придумаем! – продолжал Егор, уже сам поверив в свои слова.

– Что? – шмыгая носом, спросила Маргарита.

– Ну, во-первых, ты будешь пока лечиться консервативно. Я распишу тебе лечение, и ты походишь в свою поликлинику на капельницы. Хорошо? – Маргарита кивнула уже более уверенно, – А я пока обзвоню другие клиники в городе. Город, к счастью, большой, такие операции в разных клиниках делают. Я поговорю с коллегами. Где-то же должны быть клапанные протезы? Дай мне свой телефон. Как только я что-нибудь узнаю, сразу позвоню.

Маргарита выходила из больницы с маленьким огоньком надежды в душе. Этот доктор, несмотря на свою молодость, почему-то внушал ей доверие. А, может быть дело было вовсе не в докторе, а в том, что кроме него надеяться было просто не на кого и не на что. И душа в изнеможении цеплялась за последнюю надежду, как за тонкую ниточку.

Егор Петрович честно обзвонил все городские кардиохирургические отделения в больницах, но реакция ничем не отличалась от реакции Льва Моисеевича. Через неделю Егор понял, что все бесполезно, но никак не решался сообщить об этом Маргарите и тянул со звонком. А еще через неделю так замотался с работой, с тяжелыми больными и операциями, что просто забыл про обещанный звонок.

Потянув на себя створку высокой резной двери, Маргарита вошла в храм и тут же почувствовала живую, осязаемую тишину. Служба закончилась, и в помещении почти никого не было. Видя, как одна пожилая прихожанка накрывает голову платком, Маргарита тоже стянула с шеи шарф и накинула на голову. Чувство неловкости сковывало ее движения. Она стояла посреди храма и оглядывалась по сторонам. Пламя многочисленных свечей отражалось в украшенных золотом окладах икон, в обрамлении иконостаса. Еще не взглядевшись в иконописные лики, Маргарита онемела от окружившей ее торжественной красоты и почувствовала себя нищенкой, попавшей во дворец. Её окружали иконы, большие и маленькие, старые, потемневшие от времени, и относительно новые, сверкавшие яркими праздничными красками. Она стала медленно обходить внутреннее помещение церкви по периметру от иконы к иконе, вглядываясь в святые лики, такие неземные, далекие. Что могли они понимать в горестях и радостях простой человеческой жизни, думала Маргарита. Души их там, витают в заоблачных высях, и нет им никакого дела до ее, Маргариты, беды.

Она сделала еще один шаг к следующей иконе, словно окруженной солнечным сиянием от света свечей, и ахнула!.. На нее смотрела Богородица, прижимая к груди младенца, взглядом совершенно не похожем на отрешенных от брэнного мира старцев с других икон. Она смотрела на Маргариту взглядом матери, обреченной потерять своего сына. Глаза Маргариты наполнились слезами. Мать божия, зашептала она, замерев перед иконой, только ты можешь меня понять, только ты знаешь, как это больно и страшно не иметь возможности защитить свое дитя! Помощи твоей прошу не для себя, для сына... Ты уж прости меня, дуру необразованную, не знаю я ни одной молитвы, но больше мне обратиться не к кому... Если я умру... Маргарита с трудом проглотила колючий тугой комок, застрявший в горле. Если я умру, позаботься о моем сыне, защити его, пожалуйста! Он не должен отвечать за мои грехи, не должен!

Запах церковных свечей и ладана туманил голову, а может это слезы заволкли ее взор, но вдруг Маргарите показалось, что Богородица одарила ее едва заметной, нежной, успокаивающей улыбкой. И на душе стало легче и спокойнее.

Маргарите снился один из тех мучительных снов, что выматывают душу и тело. Во сне она видела Лёшку, который, как она недавно случайно узнала, уже полгода как загнулся

от передоза. Лёшка с бледным лицом покойника смотрел на нее булавочными головками зрачков и ласково улыбался синими губами. Глядя на себя со стороны, Маргарита видела, как отступила на шаг от ужасного гостя. Но Лёшка, продолжая улыбаться, начал медленно протягивать к ней руки с полусгнившими пальцами. Она содрогнулась от отвращения и, повернувшись к нему спиной, бросилась бежать прочь. Маргарита бежала, быстро орудуя ногами и руками, и четко слыша за спиной звуки погони. Лёшка не отставал. Она испугалась и побежала еще быстрее по узкой тропинке в незнакомом лесу. Темные стволы деревьев обступали ее со всех сторон, скрюченные ветви, словно руки, пытались схватить ее и остановить, но она бежала и бежала, уже задыхаясь от сумасшедшего бега. Обернувшись на мгновение, Маргарита увидела то ли плывущего, то ли летящего по воздуху своего преследователя с вытянутыми вперед руками и все той же ласково-жуткой улыбкой на губах. Сердце ее забилося, затрепыхалось в груди, а пространство вокруг стало сгущаться и теперь все ее движения, несмотря на невероятные усилия, стали замедляться. Ей казалось, что руки и ноги ее двигаются не в воздушном пространстве, а прорываются сквозь толщу воды, такими плавными и медленными стали ее движения. А преследователь приближался... Маргарита внезапно выбежала из леса и оказалась на краю обрыва. Внизу, под кручей, раскинулась неподвижная гладь реки. На мгновение беглянка в нерешительности задержалась на краю обрыва, но подгоняемая диким страхом, сделала последний шаг и полетела в пропасть... Водная бездна приняла ее, а следом за ней и Лёшку, по-прежнему тянущего в ее сторону жуткие скрюченные пальцы. Мрак и холод окружили Маргариту. Сначала тело скользило вниз, увлекаемое силой тяжести, но, достигнув дна, Маргарита резким движением оттолкнулась и устремилась вверх, к поверхности реки. Сквозь толщу воды она видела в нескольких шагах от себя бледное лицо покойника с остекленевшими глазами. Кажется, он потерял свою жертву из вида и беспорядочно шевелил конечностями. Она скользила вверх, делая резкие движения руками и ногами, легкие разрывались от боли. Она чувствовала, что умрет, если не вдохнет сейчас же воздуха, но водяная мгла не хотела ее пропускать, темные ленты водорослей оплетали ее руки и ноги, мешая плыть. И вот в голове замелькали огненные искорки, когда она преодолела последние сантиметры и всплыла на поверхность. Она судорожно втягивала воздух ртом, но воздух почему – то не проникал внутрь, не наполнял ее легкие жизнью. Маргарита сделала последнее усилие и... проснулась, сев на кровати.

В смутном ночном сумраке она видела прямоугольник окна, силуэт настольной лампы, детскую кроватку у стены. Как выброшенная на берег рыба, Маргарита открывала рот, пытаясь вдохнуть. Из груди вырывались хрипы и странное бульканье. Надо было позвать маму и попросить открыть окно, чтобы впустить в комнату свежий воздух, но тратить силы на слова, когда так трудно дышать, не было никакой возможности. Но мама, видимо, что-то почувствовала и сама тихо открыла дверь. Увидев дочь в таком состоянии, она охнула и бросилась к ней.

– Ма... ма... – только и смогла прошептать между хрипами Маргарита.

Егор любил воскресные дежурства. Экстренные операции выпадали не часто, зато было время спокойно, не торопясь дописать все бумаги, накопившиеся за неделю. Вот и в это воскресенье он сидел за своим столом и заполнял историю болезни, когда раздался телефонный звонок. Звонили по внутренней телефонной линии из приемного покоя.

– Егор Петрович, – раздался спокойный женский голос, – у нас тут привезли женщину с отеком легких. Она, то ли ваша знакомая, то ли ваша пациентка, не знаю. Но она все время повторяет ваше имя. Подойдете к нам?

– Да, сейчас спущусь! – ответил Егор, пропустив мимо ушей все, кроме того, что надо спуститься в приемный покой.

Он отложил историю болезни, немного сожалея, что его отвлекли в самом конце, оставалось дописать буквально пару слов. Проходя по коридору, он тихонько насвистывал мотив популярной песни, ведь приемный покой в воскресенье для кого-то катастрофа, а для кого-то обычная работа!

Егор открыл дверь третьей смотровой и на секунду замер на пороге, а потом бросился к сидящей на кушетке больной.

– Маргарита! – воскликнул он.

Девушка с бледными до синевы губами сидела, склонившись вперед и вцепившись скрюченными пальцами в край кушетки, она с усилием втягивала в себя воздух, а из ее горла вырывались булькающие хрипы.

– Вы ее знаете? – поинтересовалась дежурный терапевт.

– Да, это моя пациентка. А почему до сих пор нет кислорода?! – рявкнул Егор, бросив жесткий взгляд на дежурного врача.

– Сейчас все будет – спокойно ответила доктор.

В смотровую быстро вошла медсестра с кислородным баллоном.

– Дыши, Маргарита, дыши! – проговорил Егор, поднося к лицу девушки кислородную маску.

– Я уже заказала кардиограмму и ультразвук сердца, – сказала дежурный терапевт.

– Не нужно! Здесь эндокардит – ответил Егор, глядя в полные ужаса и отчаянья глаза Маргариты.

– Так что будем делать? – поинтересовалась доктор.

– Что делать? Вы будете быстро снимать отек легких, а мы готовить операционную. Будем клапан менять.

Доктор кивнула и вышла из смотровой, а Егор зашептал Маргарите тихо и успокаивающе, как будто она была маленьким, очень испуганным ребенком:

– Ты только держись, Маргарита, только держись, девочка моя. Я тебя вытащу, обязательно вытащу. Осталось немного, скоро станет легче... – и гладил ее по ссутулившейся спине с торчащими, как обломанные крылья, лопатками, по вздрагивающим острым плечам, по холодным, как ледышки ладоням.

Он дождался, когда медсестра принесла Маргарите капельницу, и быстрым шагом отправился на свое отделение. Он принял решение, и теперь все его движения казались выверенными и отточенными. Гигантским львом или жутко скалящимся тигром была маячившая в углу смотровой Смерть Маргариты, для сторожевого пса не имело значения. Он просто бросился спасать, не думая о собственной шкуре, потому что по-другому не мог, не умел.

Войдя в сестринскую, он поднял с дивана дежурную медсестру, даму в годах, увлеченно читающую детектив.

– Нина Сергеевна, в приемном пациентка с эндокардитом. Будем оперировать. Достаньте мне клапанный протез и готовьте операционную.

Дама вытаращила на него подведенные черным глаза сквозь стекла дорогих очков.

– Но, Егор Петрович, я не могу без разрешения Льва Моисеевича...

– Нина Сергеевна, сегодня воскресенье, Лев Моисеевич отдыхает. Я ответственный дежурный по больнице. Сегодня я здесь начальник и вы обязаны выполнять мои распоряжения! – в голосе Егора зазвучал металл.

– Я понимаю, но что скажет Лев Моисеевич утром в понедельник? – продолжала упорствовать медсестра.

– Льва Моисеевича я беру на себя, Нина Сергеевна! Быстро доставайте из своего сундука с сокровищами протез и готовьте операционную! У нас очень мало времени.

За окнами палаты интенсивной терапии просыпался большой шумный город. Вереницы машин терпеливо выстаивали очереди в пробках, завидуя трамваям, которые, как большие гусеницы, неторопливо ползли по рельсам без всяких препятствий. Человеческий муравейник выплескивал многотысячные толпы из подземных нор метро на забитые машинами улицы. В стеклах многоэтажек отражался выползший на крыши оранжевый солнечный диск. Начинаясь новый день и новая жизнь. Что ждало их в этой новой жизни? Какая разница! Главным было то, что теперь сердце Маргариты работало как часы, ровно и спокойно. И у часов этих теперь был шанс шептать свое волшебное «тик-так» еще долго-долго, многие годы.

Егор стоял перед кроватью Маргариты и смотрел с улыбкой на ее спокойное, уже немного порозовевшее лицо. Она спала после операции. От длинных темных ресниц под глазами лежали нежно-сиреневые тени. Ему очень хотелось поддержать ее за руку, но он не решался тревожить ее сон. Пусть спит, думал он, бедная девочка, маленькая, храбрая девочка с сильным характером... Егор чувствовал себя совершенно счастливым, будто выиграл в лотерею большой приз, счастливым и спокойным. Все в его жизни встало на место и разложилось по полочкам, все пришло к некой точке в которой все заканчивается... или, наоборот, начинается. Это была точка равновесия, внутренней устойчивости, мира и согласия с самим собой. Он посмотрел на экран монитора, где по темному полю непрерывно, неостановимо вычерчивалась зеленая синусоида кардиограммы. Зеленые пики возникали друг за другом через равные промежутки времени и это было замечательно... вот и хорошо, теперь ты будешь жить, мысленно говорил с Маргаритой Егор, долго и счастливо, будешь растить и воспитывать своего маленького сына. Наверное, в этом и есть смысл жизни? Как все просто... За спиной его послышались шаги и тихий голос дежурной медсестры.

– Егор Петрович, вас главный врач вызывает!

Не взглянув на медсестру, Егор кивнул, но продолжал стоять у постели пациентки. Ему не хотелось разрушать то состояние тихого счастья, поселившееся в его душе после ночной операции. А главный врач подождет! Но из точки равновесия его уже вывели. Пришлось, тяжело вздохнув, уходить из палаты и идти к главному. Егор знал, что его там ждет.

Придя утром на работу и узнав о случившемся, Лев Моисеевич сначала онемел, а потом пришел в состояние ярости и вызвал к себе проштрафившегося хирурга. Когда Егор вошел в кабинет, главный врач нервно мерил шагами пространство кабинета, а лицо его исказила неприятная гримаса.

– Вызывали, Лев Моисеевич? – спокойно спросил Егор.

– Да. Вызывал. Что вы себе позволяете?! – с места в карьер начал главный врач, – Как вы посмели без моего ведома?!

– Я спасал жизнь пациенту – не поддаваясь натиску начальничьего гнева спокойно ответил Егор.

– Я же вам все объяснил! И мне показалось, вы меня поняли. Значит, я ошибся... – его злило и раздражало уверенное спокойствие, с которым подчиненный смотрел на него, своего босса. – Я ошибся в вас, Егор Петрович! Вы хороший хирург, настоящий профессионал, но вы так и не поняли специфики нашей работы. Увы, но судя по всему, нам с вами общий язык не найти. Мы не сработаемся, так что выбирайте: пишите заявление по собственному желанию или я увольняю вас за нарушение трудовой дисциплины?

– С каких пор экстренная операция, которая спасла человеку жизнь, стала нарушением трудовой дисциплины? – усмехнулся Егор.

– Зря смеетесь, Егор Петрович! – возмутился главный и мстительно сузил глаза. – Я бы на вашем месте не смеялся. Я могу уволить вас по любой статье, какую только захочу. Вы же в моей полной власти. И всю вашу дальнейшую карьеру могу вам испортить. У меня на это

сил и связей достаточно. И не советую бороться со мной, даже не пытайтесь! – закончил он угрозой.

– Не беспокойтесь. Не вижу смысла бороться с вами. – Егор повернулся к двери. – Заявление я напишу и отдам секретарю. Две недели нужно отрабатывать или я свободен с сегодняшнего дня?

– Придется отработать, пока я найду вам замену. Но от операций я вас отстраняю, чтобы не наделали глупостей.

Егор усмехнулся и покачал головой. Интересно, какие глупости он имел в виду, думал он, закрывая за собой дверь кабинета начальника, вдруг я еще чью-нибудь жизнь спасу, не дай бог?!

Маргарита медленно приходила в себя. Она вынырнула из забытья и обнаружила себя в больничной палате. Через металлические жалюзи на окнах в палату пробивался солнечный свет и ложился светло-желтыми полосами на ее одеяло. Грудь болела, но с этой болью можно было мириться. Главное, она могла дышать: воздух спокойно наполнял ее легкие и можно было лежать на подушке, не задыхаясь.

Маргарита попыталась вспомнить, как она сюда попала, но это небольшое усилие вызвало туман в голове и головную боль. Потом, все потом, подумала она, снова погружаясь в сон.

Сколько она спала? Она не знала. Но когда проснулась, солнце еще светило в окно, а у кровати сидел Егор Петрович и улыбался доброй, ласковой улыбкой.

– Ну, здравствуй, Маргарита, везунчик ты наш! – заговорил он. – Как самочувствие?

– Нормально... – хрипло прошептала Маргарита, почувствовав боль и сухость в горле, и закашлялась, тут же схватившись за грудь. Грудная клетка была перевязана бинтами, и кашель вызвал острую боль в центре груди.

– Тише, тише, тебе лучше сейчас не разговаривать. – предупредил Егор, поправляя одеяло. – Давай я буду говорить, а ты слушаешь.

Маргарита молча кивнула.

– Операция прошла хорошо, так что починили мы твое сердце, Маргарита. Через несколько недель будешь как новенькая! Тем не менее, из поля зрения доктора в поликлинике выходить не советую. Раз в год, а в первое время почаще, будешь проходить обследование, чтобы ничего не пропустить. Понятно? Образ жизни будешь вести как хорошая девочка, придется слушаться маму, хорошо кушать и много гулять. Но, самое главное, – Егор посмотрел серьезно, немного нахмурив брови для убедительности, – если примешься за старое, я тебя из – под земли достану и уши надеру! Понятно?

Маргарита улыбнулась и кивнула головой, прикрыв уши ладонями, на что Егор Петрович засмеялся.

– Ладно, ладно, не бойся! Все у тебя будет хорошо.

Маргарита не поняла, почему у Егора Петровича внезапно погрустнели глаза, и он встал со стула у кровати.

– Ну, выздоравливай, Маргарита и будь счастлива!

Она смотрела в след своему врачу, и ощущение счастья медленно заполняло все ее истерзанное болезнью тело. У нее все будет хорошо! Значит и у мамы, и у Егорки все будет хорошо! Господи, думала Маргарита, какое же это счастье, жить!..

Подходила к концу четвертая неделя ее пребывания в больнице. Ужасно хотелось домой, к сыну! На днях ее лечащий врач, пожилая добродушная женщина, пообещала выписать ее в конце недели, если анализы будут хорошими. Егор Петрович за весь этот месяц больше ни разу не зашел к ней, не навестил свою пациентку. Это озадачивало и тревожило Маргариту,

но расспрашивать где он и почему не заходит к ней, она не решалась. Кто она ему, в конце концов? Одна из многих-многих других больных. Он выполнил свою работу, спас ей жизнь и забыл. Теперь он лечит других. От этих мыслей становилось почему-то грустно.

В больнице наступил вечер, все пациенты утомились после ужина и разбрелись, кто мог ходить, по палатам. Дежурная медсестра раздала вечерние лекарства. Маргарита, с усилием держа спину прямо, ведь грудная клетка еще немного болела, вышла в коридор. Унылый больничный коридор, который давно напрашивался на ремонт, тянулся до самого выхода с отделения кардиохирургии. В коридор с обеих сторон выходили выкрашенные белой краской двери палат. Посередине коридора был маленький холл с окном, а сбоку от окна находился пост медсестры, на котором никого не было. Маргарита медленно пошла в сторону поста, привлекаясь телефонным аппаратом, стоящим на столе медсестры.

Но, когда Маргарита была уже у самого поста, боковая дверь открылась и из процедурной вышла медсестра Леночка, прелестная блондинка, похожая на куколку Барби.

– Вы что-то хотели? – поинтересовалась она тоненьким серебристым голоском.

– Извините, – начала Маргарита, с усилием опираясь руками на стойку поста, – Леночка, у меня к вам огромная просьба... Можно мне позвонить по телефону? У меня мама сидит с моим маленьким сынишкой и не может меня навещать, а я очень беспокоюсь, как они там без меня... Можно?

По фарфоровому личику Леночки пробежала тень сомнения, но девушка она была добрая, поэтому разрешила.

– Звоните, только тихо!

Маргарита радостно схватила телефонный аппарат и начала набирать номер.

После телефонного разговора, успокоившись душой, Маргарита решила задать вопрос, который мучил ее уже четвертую неделю.

– Леночка, скажите пожалуйста, почему Егора Петровича не видно. Он меня оперировал, один раз зашел после операции, но больше не заходил. Я его даже поблагодарить не успела.

– А разве вы не знаете? – округлила глаза Леночка.

– Что именно?

– Егор Петрович уволился, вернее его уволил главный врач с волчьим билетом! – Леночка наклонилась ближе к пациентке, чтобы никто не смог подслушать их разговор и продолжила громким шепотом, – Он нарушил приказ главного и прооперировал какую-то там больную, а главный этого ему не простил. Он вообще никому ничего не прощает. Мстительный очень! Ну, в общем, уволили нашего Егора Петровича... А хороший был доктор...

– И где он теперь? – растерянно прошептала Маргарита.

– Не знаю. Говорили, что он в деревню какую-то уехал, в глубинку. Но, может, врут... В общем, сломали карьеру мужику!... – сокрушенно покачала головой Леночка и вдруг, встрепенувшись, добавила со злой улыбкой на кукольном личике, – А еще говорят, что его жена бросила! Неудачник, видите ли, ей не нужен. Вот, стерва! Правда?

– А вы его телефон, случайно, не знаете?

– Нет. Я ведь обычная медсестра. Спросите в отделе кадров. Они должны знать.

Маргарита поблагодарила медсестру и медленно побрела к себе в палату. В голове ее никак не укладывалось то, что она слышала от Леночки. Как же так? Значит, из-за нее Егор Петрович потерял работу. Но это же несправедливо! Так не должно быть! Человек карьерой пожертвовал, спасая ей жизнь, а она даже спасибо ему не сказала! В груди там, где сердце, что-то сдавило и тоскливо зануло... Нет, Маргарита так это оставить не могла.

Выйдя из поезда на станции «Зареченск», Маргарита взяла за руку полутороговалого Егорку и стала осматриваться по сторонам. От здания вокзала, несмотря на колонны и лепнину

на фронтоне, веяло старостью и запустением. По стенам грязно-желтого цвета ползли тонкие трещины, местами штукатурка осыпалась, местами просто впитала в себя грязь. Маргарита нашла глазами пожилую продавщицу мороженого и подошла к ней.

– Извините, не подскажете, где тут районная больница? – спросила она.

– Подскажу, как не подсказать! – заулыбалась добродушная тетка в цветастом платке, видимо, в надежде продать свой нехитрый товар заезжим гостям. – Вот по этой улице прямо и пойдете, а в конце увидите на пригорке серый каменный дом, рядом больница будет. Мороженого не хотите? Жарковато сегодня...

– Нет, спасибо! Маленькие мы еще для мороженого, – ответила Маргарита, подхватывая на руки сына и направляясь в указанную сторону.

Городок Зареченск на самом деле был скорее разросшейся деревней, а не настоящим городом. Улицы, расходящиеся веером от здания железнодорожного вокзала, сплошь были застроены одноэтажными деревянными домиками, чья бедность деликатно маскировалась под скромность с помощью щедрой зелени садов и ярких красок цветочных клумб. Пара центральных улиц, одна из которых вела к зданию администрации, а другая к банку, были заасфальтированы, остальные же тонули в пыли и песке. Мимо них проехал подросток на старом, безжашащем велосипеде и чуть не упал, засмотревшись на двух незнакомых людей. Из-за забора одного из домов на них долго, из-под руки смотрела пожилая женщина в грязном кухонном фартуке. Больше людей на улице в это раннее летнее утро, полное свежих запахов и птичьих голосов, не было.

Маргарита с Егоркой шли медленно, рассматривая выкрашенные в разные цвета домики, то останавливаясь, чтобы понюхать красивый цветок, растущий в палисаднике, то, чтобы посмотреть на курочек, чинно вышагивающих в своем загончике у дома, наклоняя венценосные головки и поглядывая на чужих, незнакомых людей то одним, то другим блестящим глазом. Для Егорки все было в новинку, все было интересно, он с удивлением и восторгом тянул свои ручонки с пухлыми пальчиками к незнакомым существам и предметам, норовя все потрогать и даже попробовать на вкус, поэтому путешествие до больницы затянулось.

Когда подошли к трехэтажному кирпичному зданию больницы, тоже старому и давно требующему ремонта, Маргарита устало присела на скамейку, чувствуя, как гудят руки от постоянного таскания малыша. Егорка вырос и стал весьма тяжелым.

– Давай посидим немного, – сказала она сыну, усаживая его рядом с собой. Но мальчик был полон жажды познания мира и тут же нашел какого-то жучка у себя под ногами и с интересом стал его рассматривать. – Отдохнем, а потом продолжим свой поиск.

Закончив ночное дежурство, Егор вышел на улицу, и тут же увидел молодую женщину на скамейке, возле клумбы, с малышом, копающемся в песке. Что-то знакомое было в силуэте этой тоненькой невысокой женщины. Он сделал несколько шагов к ним, а когда та обернулась и посмотрела в его сторону, Егор застыл на месте от удивления.

– Маргарита!! – воскликнул он. – Какими судьбами?!.. Не ожидал тебя увидеть!

– Здравствуйте, Егор Петрович! – улыбалась Маргарита, поднимаясь со скамейки ему навстречу.

– Что за чудеса? Как ты меня нашла?.. А это кто? – Он присел на корточки рядом с ребенком, тот показал ему необычный камушек и снова занялся игрой.

– Это Егорка.

– Тёзка, значит? Так он, вроде, был совсем маленьким...

– Был, да успел вырасти, пока я вас искала. Я же вас больше года искала, Егор Петрович! И это было так трудно! С трудом домашний телефон узнала, позвонила, а мне говорят, уехал в какую-то деревню, а в какую, никто не знает. А деревень то в стране много! Искала, искала, и вот, наконец, нашла – радостно тараторила Маргарита, глядя на своего доктора, узна-

вая и не узнавая его. Все те же добрые карие глаза, все тот же ежик коротких волос на голове. Но что-то в нем неуловимо изменилось...

– Ты то, как? – спросил Егор, садясь на скамейку рядом с Маргаритой, – Как себя чувствуешь, даже не спрашиваю! Вижу: похорошела, румянец в пол лица. Куда делась та бледная тень, которой ты была до операции?.. Как живешь, Маргарита? – Он с удовольствием вглядывался в свежее личико с яркими голубыми глазами. Спустя год после операции жизнь в этой девушке была ключом, искрилась солнечными брызгами, казалось, освещая пространство вокруг. Превращение болезненного заморыша в молодую красавицу было столь разительным и неожиданным, что Егор немного смутился.

– Я? Я хорошо. Закончила курсы маникюра и теперь работаю маникюршей в салоне красоты. Вот Егорку ращу... – Она посмотрела на сына, увлеченно играющего найденной на земле щепочкой.

– Тебе не маникюршей, а сыщиком работать надо! Разыскать меня здесь... – засмеялся Егор.

– А я пойду учиться на юридический. Обязательно пойду, вот только Егорка немного подрастет. Надо же мне нормальную профессию получить!

– Молодец, Маргарита! Я тобой горжусь.

– А вы как?

– Я? – Егор окинул взглядом старое здание больницы, утопающее в зелени, серый каменный дом, где жили медицинские работники и он сам, бескрайний лес, начинающийся прямо за больничным забором... – Я нормально! Вот работаю тут хирургом. Местные бабушки взяли надо мной шефство: подкармливают постоянно, то парным молоком от своих коров, то сметаной, то пирожков принесут собственного изготовления. Скоро растолстею до неприличия! Так что все нормально.

Маргарита всматривалась в знакомые черты Егора Петровича и замечала новые морщинки, появившиеся в уголках рта, рассеянный взгляд. Бодрый голос ее не мог обмануть.

– Чем занимаетесь здесь? – поинтересовалась она. Егор неопределенно пожал плечами.

– Чаще нарывы вскрываю, да раны обрабатываю, реже аппендициты, да холециститы оперирую. В общем, работы хватает!

– Но вы же кардиохирург! У вас же руки золотые! – воскликнула Маргарита, приходя в ужас.

– Маргарита, хороший доктор нужен везде, не только в больших городах и столицах. Люди везде болеют и нуждаются в помощи! – Егору очень не хотелось вступать в полемику по поводу его работы. Однажды он сделал выбор, и ни о чем не жалел, и ничего не хотел менять в своей жизни, ни в прошлой, ни в будущей.

И Маргарита уловила в тоне его голоса нежелание обсуждать это. Она посмотрела по сторонам, на одноэтажные домики, разбросанные под холмом, на котором стояла больница, на деревенскую тишь и благодать. Вдохнула полной грудью вкусный деревенский воздух и улыбнулась.

– А хорошо здесь, и правда! Скажите, а салон красоты в вашем городке есть?

– Салон красоты? – удивился Егор и провел рукой по коротко стриженному затылку. – Парикмахерская есть... А салон красоты, не знаю... Как-то не интересовался. А зачем тебе?

– Да вот думаю перебраться сюда из города. Заберу маму, Егорку, устроюсь на работу в салон красоты. – Беззаботно улыбаясь, ответила Маргарита.

– Зачем тебе это? – удивился Егор.

– Зачем? – Маргарита серьезно взглянула в его глаза, – а затем, Егор Петрович, чтобы с близкого расстояния, так сказать, наблюдать, как замечательный доктор, кардиохирург, медленно теряет квалификацию!

– Что за глупости! – возмутился Егор и отвернулся, не желая показывать внезапно вспыхнувшие эмоции, но помолчав полминуты и успокоившись, продолжил другим голосом. – Ты думаешь, я о чем-нибудь жалею, Маргарита? Нет. Совесть моя чиста и спокойна. Я вот смотрю на тебя, такую молодую, здоровую, красивую, и радуюсь. Даже если бы ты была единственным человеком, которому я сумел помочь, моя жизнь прожита не зря! Всё сложилось так, как сложилось. Волею судьбы я оказался здесь, в этом маленьком, тихом городке. И мне здесь хорошо! Спокойно, никакой нервозности, никакого напряжения. Мне больше ничего не нужно!

– Егор Петрович, в болоте тоже покой и тишина и уникальные условия для гниения! Вы умеете делать сложнейшие операции, вы в Америке стажировались, а тут нарывы вскрываете!!

– И что? Люди, между прочим, умирают не только от болезней сердца! Можно умереть и от нарыва, если его вовремя не вскрыть!

– Нарывы вскрывать умеет любой хирург. Вы же не любой, вы уникальный! Да вы же здесь с тоски умираете! – не унималась Маргарита, – Вы же птица другого полета! Вам небо нужно, а не тихий птичник на ферме. Эдак вы с тоски и от нечего делать пить начнете и сопьетесь к сорока годам!

– Тоже мне, Кассандра нашлась! – Возмутился Егор. – И вообще, почему ты со мной так разговариваешь?

Маргарита вздохнула, стараясь успокоиться. Я же на него наезжаю, как танк, одернула она себя. Он хоть и большой, сильный, вон косая сажень в плечах, а все равно с ним деликатнее надо как-то. И заговорила уже другим голосом, стараясь выразить словами то, что давно уже ныло и болело в душе.

– Потому, Егор Петрович, что вы для меня близкий человек! Такой же, как мама или Егорка. Вы же сердце мое держали в своих руках! И я этим самым сердцем чувствую, что вам здесь плохо! Возвращайтесь вы обратно, Егор Петрович! Без вашей помощи такие, как я, больные люди обречены! Им кроме вас никто не поможет.

Он посмотрел в ее умоляющие глаза. Вот ведь, подумал он, вылечил на свою голову! И что за неугомонная девчонка?! Только в моей жизни все успокоится, устаканится, как появляется она и переворачивает все вверх дном! И уже второй раз. К чему бы это?.. Но в глубине груди, там, где сердце, вдруг появилось что-то живое и теплое, словно слова Маргариты, как весенний солнечный луч, растопили толстый слой льда, долгие месяцы сковывающий душу и сердце, и внутрь хлынула волна тепла и нежности, затекая в самые потаенные уголки души, заполняя живительным теплом каждую клеточку его тела.

– Близкий человек, говоришь? Ну, тогда давай без церемоний, просто Егор! – и протянул ей руку. Маргарита смущенно улыбнулась и вложила свою руку в его большую теплую ладонь.

– Просто Рита!

– Ну, что, родные мои, близкие люди? – Егор поднялся со скамейки, – Пойдемте, я вам нашу речку покажу. Рыбы в ней видимо невидимо! А ты, тетка, хочешь посмотреть маленьких рыбок в реке? – Он поднял на руки Егорку. Тот радостно закивал в ответ. Приобняв свободной рукой Маргариту за хрупкие плечи, он повел их в сторону реки, блестящей на солнце лентой извивающейся у подножия холма.

– Понимаешь, Рита, это ты можешь так с места в карьер изменить свою жизнь. В тебе же решительности на десятерых хватит! А я так не могу.

– Еще как можешь! – возразила Маргарита, – И я живой пример этому!

– Ты, конечно, в чем-то права... Здесь слишком спокойно и даже скучно. А если вернусь обратно, вряд ли меня ждет теплый прием. Придется снова бороться за место под солнцем.

– Значит, будем бороться! – решительно заявила девушка.

– Ты вместе со мной бороться собираешься?

– И я, и Егорка, и мама! Все вместе с тобой бороться будем. Смотри, у тебя же целая армия есть!

Егор засмеялся свободным, счастливым смехом. Ох, Маргарита, Маргарита, думал, просто бывшая пациентка, а оказалась настоящая боевая подруга! Как же тесно ему было, оказывается, в коконе глухого одиночества, в который он сам себя заточил год назад, бросив в один момент привычную жизнь, отказавшись от своих целей, от будущего, замкнувшись и закрывшись от всего мира, от самого себя. И только теперь понял, что весь этот год, оказывается, дышал в полвздоха, да и не жил вовсе, а пребывал в состоянии комы, вроде не умер, но и жизнью это назвать нельзя. Егор умел сжигать за собой мосты. А вот строить новые... Этому придется учиться!

– Да уж, армия! ... С такой армией я точно не пропаду. Просто, не торопи меня. Надо же все хорошо обдумать, взвесить.

– Да, что тут думать, Егор?!

И они медленно пошли вперед, к реке, споря и обсуждая важнейшие жизненные вопросы, как можно спорить и обсуждать только с самыми близкими, родными людьми, кому доверять безоговорочно, еще не успев осознать, что жизнь обоих в очередной раз сделала крутой поворот.

Человек – человеку...

Фархад лежал на чистых простынях и упорным, немигающим взглядом смотрел в потолок. Фархад ждал смерти. Но, видимо, у ворот ада скопилась очередь, раз мрачный вестник с косой в руках всё не приходил за ним.

Из 60-ти лет своей жизни 4 десятка без малого Фархад провел за решеткой, впервые попав в тюрьму по малолетке. Уж больно много ярости гнезилось в его душе с самого детства. За малейшую обиду он бросался в драку и бился до крови, а кровь и боль не только не останавливали его, но распаляли ярость и уж тогда остановить его могли только несколько человек скопом. Не зря отец произнес после первого суда (в голове Фархада до сих пор звучал его голос), что жена родила ему не сына, а волчонка. Волчонок вырос в одинокого волка.

Фархад забыл, кто он по национальности, целенаправленно забыл. А зачем сломанной ветке помнить, на каком дереве она росла? Он прожил жизнь волка, периодически прибываясь к волчьей стае. Но даже самый сильный и смелый волк однажды стареет, и стая изгоняет его из своих рядов, если не убивает. Старый беззубый волк никому не нужен, его удел – смерть. И Фархад был готов к смерти.

Свой последний срок он не домотал до конца. С зоны, которую он в шутку называл своей второй родиной, его списали по состоянию здоровья. Врачи в тюремной больнице не смогли ему объяснить, почему его ноги перестали ему повиноваться? Да и чем помогут объяснения? Помогали только костыли.

Фархад знал, что люди – существа корыстные и ненадежные, в любой момент могут подставить, руководствуясь своими личными интересами, поэтому доверять можно только себе самому. Предательства собственного тела он не ожидал, тем тяжелее было с ним смириться. Ноги по непонятной причине стали как у тряпичной куклы, которая была у него в детстве: голова, ладони и стопы из розовой пластмассы, а тело из тряпки, набитое ватой, в конечности почему-то ваты не напихали, и они болтались свободно и безвольно. Фархад, не желая мириться с внезапно свалившейся на него немощью, пытался заставлять ноги двигаться, делал специальные упражнения, но болезнь прогрессировала, не обращая никакого внимания на его усилия. Впервые в жизни он столкнулся с тем, что злость и воля не помогают. Гордый дух степного воина бился в беспомощном теле, как птица бьётся о прутья клетки, лишившись свободы.

Тюремные власти оценили ситуацию и выдали ему костыли. Бессильный калека больше не представлял угрозы для общества, а статистику своей смертью мог испортить. Вот его и освободили досрочно.

И попал Фархад на свободу, как на другую планету. Чужую планету, где не было у него ни родных, ни знакомых, и идти ему было некуда. Он прожил несколько дней на вокзале в слабой надежде тихо умереть от голода в каком-нибудь темном закутке. Но его сдали местные, вокзальные, решив, что хромой пришелец может составить им конкуренцию. А вокзальная полиция быстро отправила его в заведение под сложным названием «Отделение круглосуточного пребывания для лиц БОМЖ». Так из лица ЗК Фархад трансформировался в лицо БОМЖ.

Заведение со сложным названием оказалось обычной ночлежкой для таких же, как и он, неприкаянных, для кого в этом мире не нашлось места под солнцем, то есть под крышей. Обычный, ничем не примечательный одноэтажный дом с выкрашенными в светлые тона стенами, но с решетками на окнах (как же без них, родимых?!) и кодовым замком на входной двери. Внутри были казенная чистота и порядок.

Встретила гостя на пороге холёная дама лет 50-ти, оказавшаяся местной начальницей. Фархад слегка удивился, что такая фифа может быть заведующей ночлежкой, но вида не подал. Фифа так фифа, какая разница! Ему было наплевать на фифу, а вот в местном охраннике он

тут же узнал, учуял выработанным за многие годы зоны чутьём, бывшего вертухая и привычно возненавидел, как может ненавидеть волк домашнего сторожевого пса.

Фифу звали Натальей Ивановной, но Фархаду было все равно, он не собирался ломать язык о длинное имя-отчество. Фархад молчал. Молчал, когда вертухай с какой-то пожилой тёткой, которую называл Михайловной (не начальница, можно одним отчеством обойтись!), мыли его, чистили, переодевали в чужую чистую одежду; молчал, когда в общей столовой перед ним поставили тарелку с горячей едой и большую кружку чая; молчал, наблюдая, как Михайловна стелет белые, подозрительно хрустящие простыни на койку у окна в спальне; молчал, вытягиваясь на этих простынях, похожих на саван, потому что знал, что скоро умрет. Он не собирался тратить оставшееся время на пустые разговоры.

Разговаривать с обитателями этого дома тоже не имело смысла. Одни уроды! В одной с ним спальне жили четыре урода из тех, кто предпочитает копить небо всю свою никчемную жизнь, шарясь по подвалам или чердакам, и тихо пьянствовать изо дня в день, не утруждая себя ни работой, ни семьей. В соседней спальне обитал странный мужик, по виду настоящий профессор, возвращавшийся вечерами откуда-то в костюме-тройке и при галстукe, но оказавшийся таким же, как и все бомжом. Еще один из соседей, седовласый худой старик, оказался бывшим рабом. Фархад краем уха слышал рассказ о том, как несколько лет назад этого старика обманули риэлторы, квартиру его за бесценок купили, а самого продали в рабство цыганам, где он и мыкался года три, пока не сбежал. Парочку бывших зеков Фархад узнал сразу по особому взгляду со стальным блеском, по еле заметной отстраненности, словно они были иностранцами и говорили между собой на чужом, незнакомом остальным языке. Но и с бывшими зеками Фархад не разговаривал. Он сам уже вычеркнул себя из списка бывших зеков, и вообще из списка живущих. Фархад ждал смерти, поэтому не разговаривал ни с кем.

Фи́фа Наталья Ивановна долго донимала его глупыми вопросами типа: «Как вы собираетесь жить дальше?» или «Какие у вас планы на будущее?». И голос у нее был ласковым и проникновенным, словно она разговаривала с растерянным пятилетним мальчиком, оказавшемся без родителей в чужом городе. Фархад был невысокого мнения о женщинах вообще и их умственных способностях, но холеная внешность и наманикюренные ногти заведующей ночлежкой сбивали его с толку. Поразмыслив немного, он решил, что длинные лакированные ногти и аккуратная стрижка Натальи Ивановны являются маской, отвлекающим моментом, на самом же деле перед ним обычная глупая баба с неустроенной личной жизнью. Ведь ни один нормальный муж не пустит свою жену в гадюшник, полный всякого сброда, и не позволит ей там сидеть с утра до ночи, зарывшись в ворохе служебных бумаг.

Через несколько дней к нему подослали мальчика-юриста по имени Женя. Вообще – то его звали Евгений Александрович, но Фархад про себя называл этого прыщавого юнца-очкарика мальчиком Женей и решил, что с ним тоже не будет разговаривать. Много чести! Знал он такой тип людей: хлипкий интеллигентик с большим самомнением, у которого душа трусливо уходит в пятки при встрече в темном переулке с парой незнакомых плечистых парней. Но мальчик Женя сказал, что поможет ему, Фархаду, бывшему зеку с 40-летним стажем, оформить пенсию... Фархад сначала решил, что ослышался, потом подумал, что в этом заведении водятся не только дураки и уроды, но и идиоты, натуральные сумасшедшие. Ему захотелось все-таки прояснить, кто перед ним, дурак или сумасшедший, и он спросил:

– Что оформить?

– Пенсию. – Не моргнув глазом, на полном серьёзе ответил Женя.

– Мальчик, я сорок лет ел казенные харчи на зоне. Какая пенсия? – Он попытался вложить в эту фразу все свое презрение, но юриста это не задело.

– Не важно! Закон для всех один. Или попробуем оформить инвалидность по состоянию здоровья. Тогда будет пособие по инвалидности.

Псих, решил про себя Фархад и замолчал.

Но на следующий день к нему в спальню Михайловна привела докторшу в белом медицинском халате. Молодая тетка долго его слушала трубочкой, мяла его живот, стучала ребром ладони по коленкам, сгибала и разгибала его полумертвые ноги. Фархад молчал.

– Нужно будет показать его узким специалистам, – произнесла докторша, обращаясь к Михайловне, словно Фархад был неодушевленным предметом, – В первую очередь неврологу и хирургу. Я выпишу лекарства, лечить начинать лучше сразу. А потом специалисты назначат свое лечение.

Фархад пропустил слова докторши мимо ушей, как будто они не имели к нему никакого отношения, но спустя час его вызвали в кабинет заведующей. Фархад, повиснув на костылях, с усилием волоча тряпичные ноги, добрался до кабинета. Там его ждали Наталья Ивановна и мальчик Женя.

– Фархад, – сказала фифа, взглянув на него миндалевидными, красиво подведенными глазами из-за стекол очков, – вот лекарство, которое вам прописал доктор.

Она протянула ему какую-то коробочку, разрисованную яркими полосками, и бумажку, видимо рецепт.

– Принимать по одной таблетке 3 раза в день, после еды. Запомнили? – добавила она участливо.

Фархад ничего не понял и как-то автоматически взял яркую коробочку в руки.

– Идите, Фархад. После обеда не забудьте принять лекарство.

Фархад молча повернулся на костылях и пошел к двери. Открывая дверь кабинета, он боковым зрением заметил, как фифа, порывшись в своей сумке, достает кошелек и вытаскивает оттуда деньги.

– Сколько, Евгений Александрович, вы заплатили за лекарство? – тихо, почти шепотом, спросила она, словно не хотела, чтобы Фархад ее услышал.

– Двести восемьдесят девять рублей – Четко ответил мальчик Женя.

Несколько купюр и горстка мелочи перекочевали из кошелька Натальи Ивановны в ладонь юриста прежде, чем Фархад закрыл за собой дверь. Этот жест обескуражил его. Он постоял несколько секунд пытаясь понять, почему фифа с лакированными ногтями из своего кошелька оплачивает лекарства для него, если знает, что он не сможет вернуть ей деньги, по причине полного их отсутствия? Но не смог найти объяснение. Видимо, у них, у дураков, своя логика. И поковылял дальше по коридору в столовую принимать лекарство из яркой коробочки.

Утром ненавистный вертухай Игорь Петрович и мальчик Женя отвезли молчаливого Фархада на личном автомобиле Игоря Петровича в поликлинику. Мальчик Женя несколько часов водил калеку по кабинетам от одного специалиста к другому, то униженно умоляя других пациентов пропустить их без очереди, то споря и требуя, а то и жалуясь администрации поликлиники. Он сам помогал врачам и медсестрам раздевать-одевать больного, водил на обследования, дожидаясь, когда оформят все нужные документы, словно это был его близкий родственник. А ненавистный вертухай терпеливо ждал в машине.

После посещения поликлиники Фархад три дня отлеживался, медленно приходя в себя. Ему назначили уколы, и теперь каждый день из поликлиники приходила молоденькая медсестра, почти девочка, быстро делала болючий укол и убегала, словно боялась этого стран-

ного молчаливого человека. А Михайловна принесла ему новые костыли, легкие, удобные, из какого-то особого металла.

– Это от мужа остались. – словно извиняясь, произнесла Михайловна, – Он уже год как умер (царство ему небесное!), а хорошая вещь лежит. А чего, думаю, лежит без дела? Пусть другому человеку пользу приносит.

От уколов в ногах вроде как силы прибавилось, а с новыми костылями передвигаться по коридору стало значительно легче. Теперь Фархад не проводил целый день, лежа в кровати от завтрака до обеда, и от обеда до ужина, а ходил смотреть телевизор, что стоял в большом просторном холле, иногда брал какую-нибудь книгу с полки книжного шкафа и листал ее. Читать он не любил, но полистать книжку было приятно, особенно если в ней были картинки. Пару раз в неделю приходила молодая женщина – психолог и проводила с местными уродами коллективные занятия. Фархад из любопытства присутствовал. Глядя на психологиню, он понял, что еще не всех дураков в славной ночлежке пересчитал. Странная тетка рассаживала местных обитателей в кружок и заводила с ними душещипательные беседы. Фархад в беседах не участвовал, только наблюдал со стороны, молча удивляясь или посмеиваясь.

Он уже начал привыкать к такой жизни, когда, месяца два спустя к нему подошел мальчик Женя и протянул ему странный предмет: цветной пластмассовый прямоугольник.

– Фархад, – сказал мальчик, – невзирая на трудности, мы все-таки оформили вам пособие по инвалидности. Теперь каждый месяц вам будут переводить деньги вот на эту банковскую карту. Пойдемте, сходим к банкомату через дорогу, я научу вас пользоваться картой. А документы об инвалидности у Натальи Ивановны в кабинете.

Фархад стоял, тяжело опираясь на костыли, и тупо смотрел на карточку в своих руках.

– Пойдемте! Банкомат находится всего в пятидесяти метрах отсюда, – потянул его за рукав мальчик Женя.

– Зачем мне это? – спросил Фархад.

– Как зачем? Теперь у вас будут свои деньги. На всякие нужды, на лекарства. Разве вам не нужны деньги?

Фархад задумался. Он собирался умирать, а зачем деньги умирающему? Он держал в руках карточку, и в глубине его души поднималась злость. Злость на мальчика Женю, на пособие по инвалидности, на весь этот дом, полный ненормальных людей. Маленький пластмассовый прямоугольник огнем жёг ему руку. Фархад с отчаянием понял, что умереть спокойно теперь не получится.

– Пошли! – зло произнес он и, стуча костылями, направился к выходу из ночлежки.

Мальчик Женя долго и терпеливо обучал Фархада пользоваться банкоматом. Фархад даже немного повредничал, прикинувшись совсем тупым, хотя почти сразу понял, как обращаться с банковской картой. Он все ждал, что сопливый юнец не выдержит и сорвется на глупого инвалида, но не дождался.

– Давайте снимем какую-то сумму – предложил Женя, – Сколько вы хотите снять?

– Двести восемьдесят девять рублей – не задумываясь, ответил Фархад.

– Банкомат выдает только круглые суммы. Пусть будет триста рублей. – И нажал кнопку. Из щели автомата выскочили три хрустящие купюры.

Фархад забрал деньги и, процедив сквозь зубы «Спасибо», вернулся в ночлежку. Он расположился в старом продавленном кресле в холле, прислонив костыли к подлокотнику, и растерянно вертел в руках банковскую карточку. Он осторожно проводил кончиками пальцев по закругленным углам, по выбитым на гладкой поверхности цифрам и буквам, словно слепой, изучающий текст, написанный азбукой Брайля, и чувствовал себя динозавром, доисторическим ящером, неизвестно как оказавшемся в 21-м веке. И все в этом мире было для него

чужим, незнакомым и непонятным. Наталья Ивановна, проходя мимо, даже замедлила шаг и затаила дыхание, чтобы не помешать, не нарушить то важное, что происходило в душе Фархада, внутренним чутьем уловив значимость момента. Уж очень необычным было выражение лица ее подопечного. Взгляд черных восточных глаз был устремлен куда-то сквозь пространство и время, и казалось, что в его душе рушились и возрождались из пепла неведомые миры.

Просидев так часа два, Фархад очнулся от своих дум и, тяжело опираясь на костыли, отправился в кабинет начальницы.

– Наталья Иванна, – произнес он, – Я вам деньги принес.

Фифа подняла от вороха бумаг на столе удивленные миндалевидные глаза за стеклами элегантных очков.

– Какие деньги?

– Двести восемьдесят девять рублей, за лекарства.

– Да, бог с ними, с деньгами, Фархад! – легко отмахнулась она рукой с лакированными ногтями и снова обратила взор свой к бумагам. Но Фархад не собирался отступать и протянул хрустящие купюры.

– Не стоило, – продолжала упорствовать фифа, хотя в голосе ее он уловил нечто похожее на смущение.

– Не люблю быть должным! – с нажимом произнес Фархад и положил деньги на стол, – И банковскую каточку я прошу вас оставить у себя. А то местные уроды сопрут.

– Хорошо. Банковскую карту я уберу в сейф, – вздохнула Наталья Ивановна, подчинившись его упорству. – Если вы захотите снять деньги, просто скажите мне.

Фархад кивнул и вышел из кабинета.

Спустя месяц Наталья Ивановна вызвала к себе Фархада и с радостью сообщила, что ей удалось устроить его в дом инвалидов.

– Я сегодня разговаривала лично с главным врачом. Правда, пришлось дойти до Комитета по здравоохранению города, чтобы получить для вас направление, но главное результат! – объявила заведующая с торжествующей улыбкой победителя, выигравшего большое сражение. – Место, Фархад, очень хорошее, за городом, вокруг парк, свежий воздух, рядом озеро. Говорят, там даже рыбу местные обитатели ловят! – в красках расписывала Наталья Ивановна, словно и сама не отказалась бы пожить в таком замечательном месте. – Но, самое главное, там вас будут лечить. Так что за вашу дальнейшую судьбу я теперь спокойна!

Фархад с удивлением смотрел на эту красивую, ухоженную женщину и не понимал... Всей его жизнью выстроенная, вполне логичная структура мира разваливалась на части, на разрозненные куски. И причиной этого крушения были слова Натальи Ивановны, смысл которых не доходил до сознания Фархада. Наконец степень непонимания достигла своего апогея, и он не выдержал:

– Скажите, Наталья Ивановна, зачем вы это все делаете?

– Что именно? – округлила глаза фифа.

– Вот это все! Возитесь тут со всеми нами, оформляете пенсии, пособия, восстанавливаете документы, лечите, устраиваете судьбу... Кому все это нужно?! Ведь мы же – подонки, отбросы общества! Бомжи, алкоголики, бывшие заключенные, воры и убийцы... Нормальные люди от нас шарахаться должны! Да нас всех надо собрать и в газовую камеру, как это делали фашисты!

– Но, мы же не фашисты, Фархад, – запинаясь, попыталась возразить фифа, – И говорить так о людях, это не правильно...

– А тратить деньги честных налогоплательщиков на нас, уродов, правильно? Выбивать направление в хороший дом инвалидов бывшему зеку с 40-летним стажем, это правильно? – голос Фархада звенел от напряжения и долго сдерживаемых эмоций.

– Правильно... – промямлила Наталья Ивановна, растерянно захлопав длинными ресницами за стеклами элегантных очков, из-за чего ее глаза сразу стали беззащитными.

– Вам же за это больших денег не заплатят. Тогда почему?! Объясните мне!

Фархад, видимо, перегнул палку, и обычно сдержанная и доброжелательно-вежливая заведующая в какой-то момент собралась и отразила атаку.

– Почему? – спросила фифа, сузив миндалевидные глаза. – А вы (не только лично вы, но и все обитатели этого приюта) не пробовали спросить у ваших матерей, почему они вас на свет родили? Что бы вы гробили свою жизнь? Нет, каждая мать желает своему ребенку добра и счастья! Вы же как дети, глупые, упрямые, непутёвые дети, разрушаете себя, уничтожаете! И вот теперь жалкие, больные, никчёмные, жаждете наказания? Убить вас за это? Слишком многого хотите! – Наталья Ивановна, раскрасневшись и сжимая холёные руки в кулачки, выпаливала в лицо Фархаду, – Учитесь нести ответственность за свою жизнь, учитесь исправлять ошибки, смягчать ту боль, которую причинили своим близким! А вы, не важно, сколько вам лет, сорок или семьдесят, все равно остаетесь безответственными, жестокими детьми! Когда же взрослеть будете?

Наталья Ивановна глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, и, не взглянув на остолбеневшего от ее слов Фархада, подошла к окну.

– Что это я разошлась? – уже спокойнее спросила она саму себя, – А вообще у каждого, наверное, есть свои причины для милосердия. Я мужа потеряла в 25 лет. Он был офицером и погиб в Афганистане. Сына растила одна, разрывалась на двух работах. А он вырос и связался с плохой компанией, стал наркоманом. Я боролась за него пять лет! Ох, Фархад, вы даже не представляете, как я за него боролась! – голос ее дрогнул, а в горле у Фархада застрял ком. – Но все было напрасно. Он умер от передозировки наркотиков семь лет назад. Я не смогла помочь собственному сыну, понимаете?! Там, глубоко, – она постучала сжатым кулаком по груди, – сидит неисцелимое чувство вины. Может быть, эта вина и движет мной? Не знаю... Зачем я все это вам рассказываю? Глупо...

Она бросила на Фархада мимолетный взгляд и отвернулась, смутившись, но он успел заметить в миндалевидных глазах влажный блеск. И тут Фархад прозрел: перед ним стояла никакая не фифа с неустроенной личной жизнью, а красивая, сильная, несломленная никакими бедами женщина, женщина, достойная того, чтобы рядом с ней был не просто мужчина, и даже не Мужчина с большой буквы, а настоящий герой, готовый ради нее на подвиги.

Наталья Ивановна задумалась на несколько секунд, пожала плечами, а потом заговорила уже совсем другим, официальным голосом:

– Фархад, забудьте все, что я вам тут наговорила! Давайте сосредоточимся на главном. А главное то, что теперь у вас будет дом, где вас будут лечить, где вы будете чувствовать себя человеком. Так что готовьтесь к переезду на новое место жительства! Машину я заказала на пятницу после обеда.

Фархад кивнул и молча вышел из кабинета, сокрушенно думая, что жизнь устроена несправедливо. Нет больше настоящих героев в жизни, перевелись. Остались только слабаки и уроды.

В пятницу утром Фархад подошел, попросил у заведующей ночлежкой свою банковскую карту и отправился к ненавистному вертухаю Игорю Петровичу

– Петрович, дело есть! – веско произнес он, приоткрывая дверь дежурки, и бывший вертухай удивленно приподнял бровь.

– Какое дело?

Фархад приблизился к нему вплотную и что-то таинственно зашептал на ухо. Игорь Петрович сначала слушал с недоверием, а потом закивал головой и заулыбался.

– Хорошо, Фархад, с этим я тебе обязательно помогу.

Михайловна направилась в столовую, чтобы взять кое-что по своим хозяйственным нуждам. Но, к ее удивлению, дверь в столовую была закрыта. Вообще-то никаких замков на дверях, кроме душевой и туалета, в ночлежке не полагалось. Значит, дверь кто-то держал изнутри. Она постучала и прислушалась. Никто не открыл, но за дверью что-то происходило. Доносились приглушенные голоса, непонятная возня.

Михайловна заволновалась (мало ли что могут выкинуть их подопечные!) и отправилась за подмогой к начальству.

– Наталья Ивановна, в столовой происходит что-то непонятное, – доложила она испуганным голосом. Заведующая взглянула на нее встревожено и отложила в сторону служебные бумаги.

– Пошли! – и они вдвоем отправились в столовую.

Коридор был пуст. Обычно в это время дня местные обитатели уже готовились к обеду, ходили из спальни в спальню, включали телевизор в холле, чтобы посмотреть дневной выпуск новостей, выходили покурить на улицу. А тут ночлежка как вымерла! Наталья Ивановна подошла к двери в столовую и сначала прислушалась, а потом решительно толкнула дверь. Та с готовностью распахнулась...

На столах, покрытых белыми простынями (в ночлежке скатерти не водились), стояли два огромных, роскошных торта, украшенных экзотическими фруктами, и все, что требовалось для чаепития. Наталья Ивановна растерянно и удивленно обвела глазами собравшихся в столовой подопечных. Их лица трудно было назвать красивыми, но сегодня в их глазах светилось что-то доброе и светлое. Наталья Ивановна не успела спросить, что все это значит, как раздались аплодисменты. Бомжи, алкоголики, бывшие зеки стоя аплодировали! А впереди всех, повиснув на своих костылях, улыбался, сверкая черными восточными глазами, Фархад.

– Что все это значит? – растерянно спросила Наталья Ивановна.

– Это для вас, для всех вас! – запинаясь ответил Фархад, не мастак он был разговаривать. – Сегодня я уезжаю. Вот, захотелось подсластить вам жизнь немного на прощание.

В душе было так много всего, но больше привычный к молчанию язык не захотел повиноваться своему хозяину и Фархад бессильно махнул рукой.

– Спасибо... – лица обеих женщин зарозовели от смущения.

– Но это еще не все!.. Петрович, занеси! – крикнул Фархад и в дверях появился Игорь Петрович с двумя большими букетами цветов.

– Вот так вот, Наталья Ивановна, – произнес ей на ушко Петрович, вручая букет, – Не ожидали такого? Фархад меня сегодня с утра пораньше попросил помочь устроить вам праздник!

– От Фархада никак не ожидала! – ответила, улыбаясь, Наталья Ивановна, принимая букет.

Уезжая в машине, Фархад долго смотрел сквозь заднее стекло, как удаляется светлый одноэтажный домик с решетками на окнах, перед входной дверью которого шеренгой выстроились холёная заведующая Наталья Ивановна, добрая пожилая Михайловна, юрист мальчик Женя и бывший вертухай Игорь Петрович. Фархад смотрел на них и долго не мог понять, почему стекло мокрое, если на улице нет дождя? Пока не провел ладонью по лицу и не обна-

ружил мокрые соленые капли, текущие по щекам. Старый одинокий волк не знал, что такое слезы...

Две Антонины

Они познакомились в больничной палате, куда обе попали на первый курс химиотерапии. И удивились, как много общего у них оказалось. Одинаковый онкологический диагноз, одинаковый возраст чуть за 60, одинаковые имена, только одна была Антонина Владимировна, а вторая Петровна.

Лежа под одинаковыми капельницами, они рассказывали о своих семьях, детях и внуках, на которых до недавнего времени была сосредоточена вся их жизнь. А теперь вот, случилась эта напасть... И откуда только взялась эта болезнь? Ведь не пили, не курили, всю жизнь работали, растили детей-внуков. Обе задавали себе один и тот же вопрос: «За что мне это?». И не находили ответа.

Выписывались из больницы в один и тот же день. На выщербленных ступенях больничного крыльца второпях обменялись телефонами и обещаниями звонить, поддерживать друг друга в такой трудный период жизни. И разъехались по разным концам города в сопровождении взрослых заботливых дочерей.

Антонина Петровна, невысокая полноватая женщина с простым лицом, много лет проработавшая учителем труда в обычной средней школе, лежала дома в своей кровати с закрытыми глазами и прислушивалась к ощущениям внутри. Вязкий тяжелый ком ворочался в желудке. Чтобы не сдвинуть этот отвратительный ком с места и не вызвать очередной приступ тошноты, Антонина Петровна старалась не шевелиться и дышать потише, неглубоко. Так легче было справляться с тошнотой. Вот уже четвертый день после выписки из больницы она все время проводила в постели и почти ничего не могла есть. Самым неприятным и настораживающим было то, что силы ее быстро покидали, уходили как вода в песок. А ведь она перенесла всего два курса химиотерапии. Впереди было еще много таких курсов. В дверь комнаты тихонько поскреблись.

– Бабуль, ты спишь? – кудрявая, каштановая, с очаровательной рыжинкой, голова шестилетней внучки Ксюши просунулась в комнату.

Антонина Петровна с усилием разлепила налитые свинцовой тяжестью веки и улыбнулась:

– Нет, Ксюшенька, не сплю. Просто лежу и мечтаю.

– О чем ты мечтаешь? – внучка взобралась на край кровати и подвернула под себя ноги. Это у них наследственное: и Ксюша, и ее мама Арина, и сама бабушка Антонина почему-то любили вот так вот сидеть, словно кошки, свернувшись клубком, пождав под себя ноги.

– Мечтаю поскорее выздороветь, – ответила Антонина Петровна и погладила ладонью круглую детскую коленку.

– И я мечтаю, чтобы ты поскорее поправилась, бабушка! – воскликнула девочка, и ее личико, словно солнышком, осветилось улыбкой. – Ты ведь придешь на новогодний праздник ко мне в детский сад? Мне дали роль Снежной королевы!

– Обязательно приду, радость моя! А почему Снежная королева? Она, вроде, злая была?

– Сначала злая, а потом исправилась, – тряхнула кудряшками Ксюша. – Так по сценарию предполагается.

– А-а. Это хорошо, что по сценарию королева исправилась, это правильно. – Говорить было тяжело, снова тошнота подкатывала к горлу, но Антонина Петровна продолжала улыбаться побледневшими губами. Ребенок не должен был знать, как ей плохо.

– Ой, бабушка, а как же быть с нарядом Снежной королевы? Мама обещала сшить костюм, но корону она сделать не сможет, не сумеет. А как же без короны? Снежной королеве

обязательно нужна корона! – на милом детском личике отразилась почти взрослая забота. – Ты сделаешь мне корону? Такую высокую, сверкающую, красивую-красивую?

Антонина Петровна с нежностью посмотрела на девочку. Разве можно отказать ей?

– Обязательно сделаю, моя хорошая. Вот только с силами соберусь и сделаю.

– Ой, бабулечка, соберись пожалуйста! И чтобы корона обязательно сверкала, как будто она из льда сделана. Ладно? Обещаешь?

– Обещаю, обещаю...

Девочка соскочила с кровати, поцеловала бабушку в бледную щеку и упорхнула, словно маленькая шустрая птичка, исполненная радостного предвкушения будущего праздника. А Антонина Петровна смежила веки. До Нового года было полтора месяца и еще один курс химиотерапии...

Антонина Владимировна, изящная маленькая женщина, из-за стройности и хрупкости фигуры всю жизнь умудрявшаяся вводить в заблуждение окружающих в отношении своего возраста, тихо лежала на диване и наблюдала за бессмысленными и хаотичными движениями голых ветвей старой липы за окном. После второго курса химиотерапии стали выпадать волосы. Мысль о том, что скоро она останется совершенно лысой, приводила ее, бывшую балерину и бывшую преподавательницу балетной школы, в ужас. Лысый череп – это так некрасиво! А ведь у нее всегда были прекрасные густые волосы...

От грустных размышлений ее отвлек внук Миша, восьмилетний увалень и толстяк, несмотря на все усилия семьи, продолжавший набирать вес гораздо быстрее, чем рост. На добродушной круглой физиономии горел приятный румянец во все щеки, а большие карие глаза смотрели со смесью любопытства и опаски.

– Тоня, а Тоня, – в семье не было принято использовать противное слово «бабушка» по отношению к моложавой и стройной Антонине Владимировне. – Давай поиграем с тобой в шахматы. Или, если хочешь, я прочитаю тебе вслух книжку.

Антонина Владимировна вымученно улыбнулась.

– Нет, дружок, не могу, я очень плохо себя чувствую. – Голос у нее был слабым и даже немного дрожал, – Как-нибудь в другой раз поиграем. Ты уж меня извини, дружок.

Из-за спины мальчика показалась дочь Антонины Владимировны, Наталья, и строгим шепотом выговорила сыну:

– Отстань от Тони, не приставай к ней со своими шахматами! А слушать, как ты читаешь вслух, так это железное здоровье нужно иметь и адское терпение! Иди, Мишка, дай человеку полежать спокойно. – И аккуратно прикрыла дверь.

Антонина Владимировна вздохнула с облегчением. Она очень любила своего внука, но сейчас не чувствовала в себе сил для общения. Она снова стала наблюдать за движениями голых ветвей дерева за окном, находя в этом какое-то странное удовольствие, и вслушиваясь в разраставшуюся в глубине души тишину.

Антонина Петровна перед третьим курсом «химии» успела вырезать из плотного картона основу для будущей короны Снежной королевы и придумать бело-синий с небольшими вкраплениями голубого и зеленого узор. Оставалось разрисовать корону цветной гуашью и пришить бисер и стразы.

После очередного возвращения из больницы появилось такое сильное сердцебиение и одышка, что малейшее движение превратилось в муку. Участковый терапевт, совсем молодой парень, наверное, вчерашний студент, посчитав пульс, не сдержался и, высоко задрав брови, присвистнул от удивления. Но назначил ей очень хорошие таблетки, от которых трепыхающееся, как раненая птица, сердце стало успокаиваться, одышка уменьшилась. Вот только слабость превратила еще недавно сильную и энергичную женщину в дряхлую старуху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.